

HARLEQUIN®

108

София Джеймс

П
А
Д
Е
Ж
Д
Ы
Л
Е
Д
И
К
О
Н
Н
О
Т

И
С
Т
О
Р
И
Ч
Е
С
К
И
Й
Р
О
М
А
Н

Исторический роман – Harlequin

София Джеймс

Надежды леди Коннот

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Джеймс С.

Надежды леди Коннот / С. Джеймс — «Центрполиграф»,
2016 — (Исторический роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08972-4

По воле случая знакомятся лорд Фрэнсис Дуглас, аристократ с погубленной репутацией, и леди Сефора Коннот, которую называют «ангелом светского общества». Она – чужая невеста, он – изгой, обреченный на одиночество. Но эти двое не могут забыть друг друга. Последовавшие встречи преображают их жизнь, помогая открыть в себе лучшие качества. Что это, если не любовь? И все же брак Фрэнсиса и Сефоры, заключенный по настоянию ее родителей, является, по сути, вынужденным.

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08972-4

© Джеймс С., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35

София Джеймс

Надежды леди Коннот

Marriage Made in Hope

© 2016 by Sophia James

«Надежды леди Коннот»

© «Центрполиграф», 2020

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

Глава 1

Лондон, 1815 г.

Леди Сефора Коннот отчетливо поняла: сейчас она умрет. Ее черный жеребец, испугавшись чего-то, встал на дыбы на мосту и сбросил ее. Перелетев через ограждение, она упала в реку.

Послышались крики сестры и взволнованные возгласы окружающих. Сефора больно ударилась о воду, и все звуки сразу стали приглушенными. От страха у нее перехватило горло. Она инстинктивно сделала вдох, но внутрь хлынула вода. Тяжелая намокшая одежда тянула ее вниз, в темноту и мрак. Она не умела плавать и камнем пошла ко дну; рядом не было ничего, за что она могла бы ухватиться.

Дергая лиф амазонки, она пыталась расстегнуть платье, но все тщетно. Сверху было слишком много пуговиц, а под ними – плотный корсет на шнуровке. Многослойная тугая одежда льнула к ней, обволакивала и сковывала.

Вот и все.

Настал ее конец... Руки и ноги отказывались ей повиноваться. Лишь болела лодыжка, которую она ударила при падении. Сверху сочился свет. Ее же тянуло вниз, во мрак и грязь, к рыбам, в залежи черного ила. Жизнь заканчивается. Ее время истекло... Она умирает, не успев как следует пожить... Зажав руками рот и нос, чтобы не наглотаться воды, она ощутила резь и жжение. Легкие требовали воздуха... Еще минута – и она задохнется!

Свет наверху померк; в воду упал тяжелый предмет. Она чуть склонила голову и увидела: прямо к ней устремилось что-то большое... чья-то фигура. Полностью одетый мужчина протягивал к ней руку. Она ошеломленно смотрела на него. Неужели он настоящий? Неужели он нырнул за ней в темные и холодные глубины Темзы?

Он сразу понял, что девчонка не надеется на спасение. Она застыла в воде, похожая на огромную медузу. Раздуваются широкие юбки, светлые волосы стоят дыбом, лицо бледное, как лунный свет, глаза широко раскрыты.

Он со злостью подумал: джентльменам из высшего общества стоит учить своих дочерей плавать! Умей она плавать, она давно бы уже оттолкнулась ногами и всплыла на поверхность. Все, что угодно, только не эта покорность и нежелание сражаться! Обхватив ее в темноте и пронизывающем холоде, он плотно прижал губы к ее губам и вдохнул в нее остатки собственного воздуха. Затем он с силой оттолкнулся и стал подниматься, держа девушку за запястье. Хорошо, что она не вырывалась, а покорно двигалась вместе с ним... Он с трудом удерживал ее: намокшая одежда была очень тяжелой. Ее изумрудная амазонка казалась единственным ярким пятном на много миль вокруг.

Наконец-то показалось солнце, и ветер взъерошил ему мокрые волосы. Спасенная девушка обхватила его ногами, а рука обняла шею. Пытаясь держаться, она оцарапала его щеку до крови.

– Проклятие! Да успокойтесь вы! – хрипло произнес он, пытаясь отдышаться.

Но девушка его словно не слышала. От страха она вцепилась в него мертвой хваткой и, широко раскрыв голубые глаза, тащила его под воду. Снова выругавшись, он крепко прижал ее к себе и поплыл к берегу, выгребая против течения. Он обрадовался, когда заметил, что навстречу им бегут, чавкая по грязи, люди.

Он снова вспомнил ил в Хаттонс-Лэндинг; грязная жижа, густая, как патока, и липкая, как нефть, облепляла его, тянула вниз... Его охватила безудержная дрожь. Здесь тоже ил; он проваливается в него по щиколотки, ил испачкал его чулки и подол длинной юбки спасенной девушки. Она по-прежнему льнула к нему, как перчатка к руке, забирая остатки тепла.

Ему нужно поскорее уйти отсюда, очутиться дома, подальше от любопытных глаз и жалости, которая ему совершенно не нужна. Спасенную тем временем обильно вырвало: когда вонючее содержимое Темзы начал вытеснять воздух, из ее рта хлынула вода. Она тоже дрожала. Наверное, от потрясения, подумал Фрэнсис, которого по-прежнему трясло.

Какой-то незнакомец грубо оторвал от него спасенную девушку. Фрэнсис почти обрадовался избавлению от ноши. Он с трудом вышел на берег, где его подхватили Гейбриел Хьюз и Люсьен Говард.

Чуть дальше стояли свидетели происшествия. Какая-то пожилая дама рыдала; молодая девушка рядом просила ее успокоиться. Были там и мужчины; они пристально наблюдали, как он, хромя, выбрался на более твердую почву. Конечно, все заметили старый шрам у него на лице.

Не в состоянии унять дрожь, он преисполнился гневом и ненавистью. Его застигли врасплох; речной ил пробудил страшные воспоминания.

– Сюда, Фрэнсис! Мы проводим тебя домой.

Голос Гейбриела прорвался сквозь туман ярости; рука друга схватила его за рукав и потащила прочь. Спасенная девушка плакала, но Фрэнсис не обернулся. Ни разу.

Она никак не могла ни прекратить рыданий, ни унять страх. Словно издалека она слышала, как рядом приказывают найти карету, принести одеяла, вызвать врача и осмотреть ее рану на лодыжке.

Она жива, она дышит! Сефора сидела на твердой земле, под бледным весенним солнцем, на берегу Темзы. Перед ее глазами разворачивалась вся жизнь, которую она, как ей казалось, потеряла.

– Сефора, мы сейчас же доставим тебя домой. Ричард пошел за каретой; послали гонца, чтобы сообщить твоему отцу о том, что здесь случилось.

Голос мамы звучал как-то странно; возможно, он был сдавленным от волнения и явного страха.

Сефора закрыла глаза и попыталась прогнать страшные воспоминания. Она не могла даже думать о том, что с ней только что случилось. Ей казалось, что она как-то отдалилась от окружающих ее людей, от берега реки, даже от земли, на которой она сидела.

Может, все дело в шоке? Или какой-то другой недуг овладел ею оттого, что она наглоталась воды? Ужас за клубился в ней, унося краски дня, все тело покрылось липкой испариной. Потом ее окружил мрак.

* * *

Ночью она проснулась в особняке Олдфордов на Портман-сквер. На потолке плясали тени от пламени свечи, стоящей на столике возле ее постели; в камине пылал огонь.

В кресле рядом с ее кроватью сидела сестра Мария; она спала. В комнате было тепло, и Мария сняла шаль и осталась в одной ночной сорочке. Сефора улыбнулась и потянулась. Ей стало лучше; она почти пришла в себя. Она жива, ей ничто не угрожает; она в тепле. Приподняв правую ногу, она заметила повязку на лодыжке. То место немного саднило, а во всем остальном... она наскоро осмотрела себя. Боли она не чувствовала, могла двигать руками и ногами.

Вдруг ее словно ударили кулаком в живот: она вспомнила губы, которые прижимались к ее губам под водой. Там, во мраке, ее спаситель поделился с ней воздухом. Он отдал ей свой последний драгоценный запас. Сердце у нее часто забилося, и она заворочалась в постели. Шорох разбудил Марию. Сестра тряхнула головой и открыла глаза.

– Сефора, ты выглядишь гораздо лучше.

– А как я выглядела раньше? – Собственный голос показался ей чужим: сдавленный, хриплый... Она невольно закашлялась.

– Полумертвой.

– Жеребец?..

– Когда ты выехала на мост, он вдруг встал на дыбы и сбросил тебя. Конюх говорит, что его ужалила пчела. Отец поклялся, что продаст жеребца гораздо дешевле, чем за него заплатил, потому что он больше не желает его видеть.

В глубине души Сефора тоже обрадовалась, что ей не придется больше видеть жеребца.

– Ты помнишь, что произошло? – В голосе сестры послышались новые нотки; она говорила многозначительно и с любопытством.

– Кажется, меня кто-то спас?

– Не просто «кто-то». Тебя спас лорд Дуглас, Фрэнсис Сент-Картмейл, которого в обществе считают паршивой овцой. Сейчас весь Лондон только о вас и говорит!

– А где был Ричард?

– Он скакал за тобой. Когда жеребец сбросил тебя, он просто оцепенел от страха. Не думаю, что он умеет плавать. И уж конечно, он не бросился тебя спасать, в отличие от Сент-Картмейла. Тот мигом скинул сапоги и нырнул в воду.

– Неужели Сент-Картмейл так поступил?

– И глазом не моргнув. Там быстрое течение, а мост высокий, но его это нисколько не заботило, судя по тому, как он вскочил на узкие перила.

– И бросился в воду?

– Как пират! – Сестра заулыбалась. – Он и правда похож на пирата: у него огромный шрам на лице и длинные черные волосы.

Сефора ничего не помнила о внешности своего спасителя, только прикосновение теплых губ к своему рту, интимное и запретное в грязной воде Темзы.

– Он... пострадал?

– Да, но только потом, когда вынырнул на поверхность, потому что ты расцарапала ему лицо. На его здоровой щеке остались три глубокие царапины, и из них шла кровь.

– Но ему помогли?

– Лорды Уэсли и Росс. Они, правда, поспешили его увести, потому что к тому времени, когда Дуглас выбрался из реки, вид у него был еще хуже, чем у тебя.

Фрэнсис Сент-Картмейл, лорд Дуглас. Сефора вспоминала, что ей о нем известно. В обществе ходили о нем такие слухи... Аристократ, который не считается с правилами светского общества и часто опускается на самое дно...

Два месяца назад она издала видела его в парке, на балу у Крейтонов. Тогда он находился в объятиях женщины, которая славилась свободным поведением и считалась распущенной. Она впиалась в его рот накрашенными губами... Мисс Амелия Борн, которая вышла подышать вместе с Сефорой, поспешила пересказать ей все сплетни, ходившие о Фрэнсисе. Она захлебывалась от нетерпения и любопытства:

– Дуглас настоящий красавец, правда? И это несмотря на шрам и на то, что последнее время он все реже появляется в обществе. О нем рассказывают такое... Правда, я не стала бы слушать ничего плохого о мужчине, который умеет так целоваться... – Амелия рассмеялась, прикрыв рот ладонью.

После того бала Сефора вернулась домой, гадая, что бы чувствовала она, если бы ее так целовали – так самозабвенно, порывисто и откровенно сладострастно.

Что ж, теперь ей это в некотором смысле известно.

Стараясь справиться с охватившим ее возбуждением, она села.

– Можно чего-нибудь попить?

Сестра налила ей подслащенной лимонной воды с листьями мяты и розмарина и поднесла бокал к ее губам.

– Где Ричард?

– Вчера вечером он был в кабинете с отцом, старался развенчать сплетни и опровергнуть слухи, которые уже пошли в обществе.

– Какие слухи? – Сефора не совсем понимала, о чем говорит сестра; жестом показав Марии, что больше не хочет пить, она легла на подушку.

– Когда Дуглас выбрался на берег, ты прижималась к нему всем телом, и нам показалось, будто тебе совсем не хочется его отпускать. Чтобы оторвать тебя от Сент-Картмейла, Ричарду пришлось силой разжать тебе пальцы.

– Я же тонула!

– Вид у тебя был... не слишком целомудренный. Лиф порван, шнуровка распущена. – Мария от души рассмеялась. – Кстати, тебе это шло. Ты выглядела... живой и настоящей.

Сефора сделала вид, будто не слышит этих глупостей.

– Где мама?

– Она выпила пунш и легла. Должно быть, уснула до завтра, и тебе не придется иметь дело с ее волнениями. Правда, она то и дело повторяла: хорошо, что вы с Ричардом Аллерли объявили о помолвке, так что твое доброе имя не окончательно погублено.

– Не моя вина, что жеребец так бурно отреагировал на укус пчелы!

– Мама наверняка сказала бы, что куда приличнее было утонуть, учитывая, как крепко тебя обнимал твой спаситель и в каком ужасном беспорядке было твое платье!

Сефора улыбнулась:

– Мария, вечно ты преувеличиваешь! Спасибо, что посидела со мной. Ты меня очень поддержала.

Сестра взяла ее руку в свою и крепко сжала; приятно было ощущать тепло знакомой ладони.

– Кстати, ты потеряла в реке кольцо с бриллиантом, которое подарил тебе Ричард. Наверное, он еще не заметил; когда он узнает, то, наверное, не обрадуется.

– Кольцо все равно было мне велико. А несколько дней назад в ювелирном магазине я видела точно такое же... Думаю, заменить его не составит труда!

Мария рассмеялась:

– Как похоже на Ричарда – выбрать дешевое кольцо, хотя ты заслуживаешь самого лучшего!

– Оно мне нравилось.

– Вряд ли Фрэнсис Сент-Картмейл будет так скуп со своими новоприобретенными деньгами, когда ему придется жениться. Говорят, он вернулся из Америки настоящим богачом; он набрал на золотую жилу. Кстати, когда он вытащил тебя из воды, вид у него был совсем больной. Мне даже показалось, что он... чего-то боится. Надеюсь, ему уже лучше.

Сефора тоже вспомнила, с каким трудом ее спаситель прошел последние шаги до берега.

– Не было ли у него других ран?

– Ты имеешь в виду – кроме тех царапин, что оставила ты?

Сефора кивнула, и Мария продолжала:

– Нет, ничего похожего я не заметила. Я немного удивилась, потому что граф не задержался, чтобы выслушать слова благодарности от тех, кто наблюдал за сценой спасения. Несмотря на его сомнительную репутацию, он поступил благородно и смело, а река в том месте очень глубокая, и вода холодная. Ричард, конечно, тут же взял тебя у него и смерил его суровым и непреклонным взглядом. Может быть, именно его непреклонность отпугнула Фрэнсиса Сент-Картмейла?

– Ричарда я там вообще не помню. Знаю, что он скакал позади меня. А что было потом...

– Дуглас и два его друга шли нам навстречу, когда услышали твои крики. Они как раз поднялись на мост.

Черные волосы, черный сюртук и бугристые мускулы под пальцами, когда она вцепилась ему в плечи...

Почему-то те несколько мгновений показались Сефоре более реальными, чем все остальное за всю ее жизнь. Наверное, все дело в том, что она тонула и испытала сильный страх, ведь с ней никогда в жизни не случилось ничего по-настоящему плохого. Мария пристально наблюдала за сестрой; на ее лбу выступила морщина.

– Сефора, тебе не кажется, что подобные происшествия не случайны?

– Что значит «не случайны»?

– Последнее время вид у тебя совсем не радостный, и ты постоянно какая-то рассеянная. Точнее, ты такая с тех пор, как согласилась выйти замуж за Ричарда. У него куча денег, красивый дом и родственники, которые его обожают, и я еще не говорю о его положении в обществе, но... – Мария осеклась.

– Мария, он тебе никогда не нравился! С самого начала!

– Он напыщенный, самодовольный и обожает хвастаться своими достижениями и победами.

Неожиданно для себя Сефора рассмеялась.

– Он делает много хорошего для других...

– И куда больше – для самого себя, – возразила Мария.

– Он добр по отношению к своим родным...

– А еще добрее к тем, кто может помочь ему в неуклонном восхождении на вершины власти в светском обществе.

– Он любит меня.

Мария кивнула:

– Да, этого у него не отнимешь, но... Сефора, кто тебя не обожает? Я не встречала ни одного человека, способного сказать о тебе дурное слово! Тебя обожают даже многочисленные поклонники, которым ты мягко отказывала в своей руке.

– Мария, ты меня захвалила!

«Иногда я совсем не милая. Иногда мне хочется визжать от скуки существования и от того, какой я стала. Иногда внутри меня просыпается другая личность, которая хочет дышать свободно!» – пронеслось у нее в голове.

Прикосновение губ Сент-Картмейла к ее губам, его твердая и сильная ладонь поддерживает ее шею... Он поделился с ней воздухом, когда она уже не могла дышать.

Граф поднял ее на руки, как ребенка, как будто она ничего не весила. Наверное, он мог бы пронести ее вдоль всей Темзы! Его сила вселяла в нее уверенность. Он излучал заботу и какое-то волшебство. Ричард, subtilный представитель светского общества, едва ли способен вот так нести ее на руках!

Сравнения...

Зачем она сравнивает? Сент-Картмейл необузданный, волнующий и неизвестный. Она слышала, что в Америке он убил человека и избежал наказания.

На следующее утро ей показалось, будто ее переехал тяжелый экипаж. Мышцы, лишь слегка растянутые вчера, сильно болели.

В дверь тихо постучали; через секунду к ней вошла мать. Сефора обернулась.

– Милая, как хорошо, что ты выспалась! Сегодня ты выглядишь гораздо лучше. Ты хорошо отдохнула. Вчера мы все страшно перепугались за тебя. Знаешь, скоро полдень. Здесь Ричард; он просил узнать, нельзя ли ему переговорить с тобой. – Элизабет присела в кресло рядом с кроватью; на ее лбу проступила заметная морщина. – Давай-ка оденемся и придадим

тебе благопристойный вид, пока Ричард беседует с отцом. Тебе пойдет на пользу, если ты встанешь. Неплохо будет показать всем, что ты на коне после такого... – Она замолчала, внезапно осознав, что она только что сказала. – Разумеется, я в переносном смысле! А твоего ужасного жеребца я не желаю больше видеть... Одним словом, ты должна вернуться к нормальной жизни, и чем скорее, тем лучше.

Сефоре же, наоборот, захотелось снова лечь в постель и с головой укрыться одеялом, забыв об остальных. Интересно, как поступит Ричард, если она скажет, что плохо себя чувствует и не сможет его принять? Уйдет он или настоит на беседе с ней? Ричард не из тех, кто склонен чего-то ждать. Иногда за его вечно доброжелательной улыбкой проскальзывает нечто другое: мрачная раздражительность, которая ее пугает.

Сефора прекрасно понимала, что не может вечно прятаться в спальне под одеялом. Кроме того, она хорошо знала Ричарда. Откладывая встречу с ним, она лишь отодвигает проблему.

Откинув покрывало, Сефора встала. Она обрадовалась, когда вошла ее горничная, чтобы помочь ей одеться.

Ричард вошел в маленькую синюю гостиную. Сефора заметила, что мать держится в нескольких шагах позади – только чтобы убедиться, что все идет как полагается, приличия соблюдены и свидание проходит в благопристойной обстановке.

– Дорогая! – Он взял ее руки в свои, теплые; его карие глаза излучали заботу и волнение. – Моя дорогая, милая! Прости меня!

– За что простить? – Сефора не поняла, что он имеет в виду.

– Разумеется, мне следовало прыгнуть за тобой. Не стоило мешкать, но я, видишь ли, плохо плаваю, а там очень глубоко... – Он замолчал, как будто понял: чем больше он оправдывается, тем хуже это выглядит. – Если бы я тебя потерял...

– Ричард, ты меня не потерял. Более того, я почти не пострадала.

– А как твоя нога?

– Всего лишь ссадина, и больше ничего. Я ударилась о каменное ограждение. Скорее всего, даже шрама не останется.

– Я послал Дугласу записку, в которой благодарю его. Тебе не придется с ним общаться. Конечно, жаль, что тебя спас именно он, а не Уэсли и не Росс; благодарить их было бы куда легче.

– В каком смысле? – Высвободившись, она села и сложила руки на коленях; ее вдруг зазнобило.

– Они джентльмены, а Дуглас... Вряд ли ему известно, что это такое. Помнишь, как он ушел, не сказав никому ни слова и не дождавшись благодарности? Джентльмен задержался бы хотя бы для того, чтобы убедиться, что ты жива. Когда он... вначале мы все сильно сомневались в том, что ты выживешь.

Сефора вспомнила, как ею овладела неукротимая рвота; ее снова и снова выворачивало на Фрэнсиса Сент-Картмейла, пока он брел к берегу по мутной, грязной воде почти такого же оттенка, как его сюртук. Она вспомнила, что на нем было кольцо; оно было надето на мизинце его левой руки – массивное золотое кольцо с рубином.

– Сефора, я отнял тебя у него у самой кромки воды. Конечно, мой костюм для верховой езды тоже пострадал, зато ты очутилась в безопасности. Конюх раздобыл где-то одеяла, я укрыл тебя, послал за своим экипажем и всем раздал поручения. Мне тоже было нелегко; пришлось проявить все свои организаторские способности, чтобы навести хоть подобие порядка. Я рад, что мои усилия не были напрасными.

Сефора раздумывала надо всем, что Ричард для нее сделал; оказал ей помощь, проявил добрые намерения. Экипаж был устлан теплыми шерстяными одеялами. Какими показными вдруг показались ей его предупредительность и забота!

Неожиданно она заплакала; слезы градом хлынули по лицу, горло сжалось. Она рыдала в голос, совсем не так, как подобает леди. Рыдания разрывали ей сердце, разум и не сочетались с ее всегдашней скромностью. Она никак не могла остановиться, рыдала нескончаемо и отчаянно.

Мать подбежала к ней, взяла ее руки своими теплыми руками, а Ричард постарался ретироваться как можно быстрее. Сефора обрадовалась, когда он ушел.

– Детка, мужчины не умеют по-настоящему утешить в трудное время. Ричард в самом деле чудесно распорядился, проявил находчивость и сообразительность. Большого трудно и желать.

– Большого? – переспросила Сефора.

Мать промолчала.

Он не нырнул за ней в воду, он не рисковал ради нее жизнью. Он просто наблюдал, как она падает в реку и тонет, все ниже и ниже опускаясь в мрачные холодные глубины, где нет ни воздуха, ни надежды.

Ричард считал, что сделал для нее достаточно, – а ведь он ее жених! С лордом Дугласом она незнакома, и все же Фрэнсис Сент-Картмейл не раздумывая бросился в холодную грязную реку, чтобы спасти ее.

Она уже не понимала, что хорошо, а что плохо. Единственный самоотверженный поступок чужого человека перевернул ее жизнь с ног на голову. Теперь она сама не знала, как вести себя и что будет дальше. Ее уносило куда-то прочь от действительности. Она не сразу поняла, где находится, когда утром проснулась и увидела, как сквозь поднятые рамы комнату заливает солнце.

Если бы лорд Дуглас не нырнул за ней, сейчас она лежала бы не в постели, а на холодном мраморном постаменте в фамильном склепе. Утонула в результате несчастного случая... Бедняжка леди Се-фора Коннот! Умерла, а ведь ей всего двадцать два с половиной года!

Она впиалась ногтями в запястья, оставив там следы в виде полумесяцев, которые сразу защищало. Боль была ей приятна. Боль напоминала о том, что она жива. Но ее сердце онемело; онемение распространилось дальше, и она никак не могла его остановить.

Глава 2

Вернувшись домой после происшествия на реке, Фрэнсис сбросил испорченный сюртук и лег на кушетку в библиотеке, закрыв глаза, чтобы не мутило. Вся его одежда промокла, но какое-то время ему нужно было полежать без движения.

У него уже бывало так: внезапно накатывало, выбивая из колеи и мгновенно перенося в другое время, в другие места, о которых он не хотел вспоминать.

Даже возвращение домой не избавило его от приступа паники, хотя он надеялся, что здесь, среди книг, все быстрее пройдет. Здесь ему легче дышалось.

– Выпей, Фрэнсис. Если ты все-таки умрешь у нас на руках, по крайней мере, ты не будешь больше ощущать вонь и грязь воды из Темзы. – Гейбриел протянул ему большой бокал с бренди, который он наполнил до краев.

Фрэнсис сел и сделал два больших глотка. Затем поставил бокал на столик.

– Такое... со мной уже случалось. Это... не смертельно. Это... просто чертовски... неприятно! – Его по-прежнему трясло, дрожал и голос; ему казалось, будто он заледенел до костей, а голова полна осколками.

– Почему? – сухо и сердито спросил Люсьен. – Ты вспомнил то, что случилось в Хаттонс-Лэндинг, да? Смерть Сета Гринвуда была несчастным случаем, но почему-то она по сию пору не дает тебе покоя.

Фрэнсис покачал головой.

– Это... ил.

– Ил?

– Ил... Грязь, которая нас покрывала. Иногда я вспоминаю то, что там случилось... и долго не могу успокоиться.

– Господи, Фрэнсис! Ты поехал в Америку одним человеком, а вернулся совершенно другим! Да, не спорю, ты разбогател, но... ты так изменился! Ты стал... каким-то чувствительным. И не позволяешь нам тебе помочь!

Фрэнсис постарался сосредоточиться, отбросить все лишнее и понять, что сейчас самое главное.

– Кто... она такая?

– Девушка, которую ты вытащил из Темзы? А ты не знаешь? – Люсьен заулыбался. – Леди Се-фора Коннот, некоронованный «ангел светского общества». Ей невольно подражают все существа женского пола... Кроме того, она – невеста Ричарда Аллерли.

– Маркиза Уинслоу, сына герцога?

– Единственного сына. Золотая парочка. Их родители – близкие друзья. Будущие супруги знакомы с детства, и детская дружба переросла в нечто большее. Их бракосочетание станет свадьбой года.

Гейбриел, стоявший с другой стороны, был менее склонен приукрашивать происходящее.

– Аллерли идиот, что тебе, Люс, тоже известно. Кроме того, он настоящий трус.

Впервые за последний час дрожь уменьшилась. Возможно, от перемены темы, решил Фрэнсис.

– Почему он трус?

– Уинслоу тоже там был, черт побери, он скакал за своей невестой. Необъезженный конь сбросил ее в воду у него на глазах!

– И... он ничего не сделал?

– Он уж точно не бросился с высокого моста в глубокую и быструю реку! Наверное, точнее будет сказать, что он в страхе прижался к перилам. Он так крепко их сжимал, что у него побелели костяшки пальцев.

Люсьен слушал с таким видом, словно слова Гейбриела его очень забавляли.

– Правда, потом, когда ты, Фрэнсис, вынес девицу на берег, Аллерли поспешил навстречу. Но я заметил, что, выхватывая ее у тебя, он всячески старался не запачкать свои новенькие сапоги.

– Выхватил он ее с трудом, – возразил Гейбриел. – Все выглядело так, словно девица поняла, кто спас ее на самом деле. Она не хотела тебя отпускать; маркизу пришлось разжимать ей пальцы. Платье на ней разорвалось. Прежде чем жених снял с себя сюртук и прикрыл ее, он как следует рассмотрел все ее сокровища. Я заметил, что леди Олдфорд, мать Се-форы Коннот, была весьма недовольна будущим зятем.

Впервые за несколько часов Фрэнсис немного успокоился.

– Похоже, леди Сефора произвела сильное впечатление на вас обоих.

– Старина, мы оба счастливо женаты, – парировал Гейбриел. – Мы надеемся, что это ты заметил ее очевидные прелести.

– Меня так трясло, что я ничего не видел.

Он снова лег на диван, укрылся и допил остатки бренди. Фамилия спасенной девушки показалась ему знакомой, и он попытался вспомнить, где слышал ее.

– Леди Сефора Коннот... Откуда я могу ее знать?

– Она самая младшая кузина Анны-Марии Макдауэлл.

Анна-Мария... Когда-то, много лет назад, Фрэнсис ухаживал за ней, но она скоропостижно умерла от какой-то болезни, и их отношения не успели перейти в следующую стадию. Когда он узнал о ее смерти, то напился так, что не смог пойти на похороны. Теперь, оглядываясь назад, он решил, что испытал потрясение не столько от смерти Анны-Марии, сколько от напоминания о том, что старуха с косой выбирает жертвы наугад, не считаясь ни с возрастом, ни с опытом, ни с характером.

Конечно, родственников Анны-Марии возмутило его отсутствие на похоронах. Теперь-то он понимал, что тогда ему следовало вести себя пристойнее.

Правую сторону лица, где Сефора Коннот его поцарапала, саднило. Посмотревшись в бокал, он заметил три темные линии, которые шли от глаза к подбородку. Тяжело вздохнув, он понадеялся, что царапины не воспалятся, как в свое время шрам на левой щеке.

Сегодня, прыгнув с моста, он в глубине души надеялся, что больше не всплывет на поверхность и что, погибшего, его назовут героем. Возможно, его отвага отчасти загладит его проступки перед предками. Семейные портреты Дугласов, висевшие вдоль стен, словно обвиняли его, когда он поздно ночью поднимался в спальню. Было утешительно вспоминать о прошлых прегрешениях до того, как его жизнь распалась на части из-за сплетен и домыслов.

Он был один и бежал от прошлого, но прошлое все время преследовало его, даже здесь, в тихой теплой комнате, в обществе друзей. Поднеся бокал к губам, он допил последние капли.

– Фрэнсис, ты похож на человека, которому нужно изгнать демонов, – негромко и озабоченно заметил Гейбриел. – Аделаида считает, что ты выглядишь так же, как я, когда мы с ней впервые встретились: как человек, окутанный тайнами и сожалением.

– Интересно, чем она тебя исцелила?

– У хорошей жены есть рецепты исцеления мужа, а моя к тому же не из тех, кто легко сдается!

В разговор вступил Люсьен:

– Вот кто тебе нужен – женщина, обладающая здравым смыслом, силой духа и темпераментом!

– Где, по-твоему, мне найти такое совершенство? – Бренди развязало лорду язык и утихомирило дрожь. Укрывшись одеялом, он наконец согрелся и успокоился.

– Может быть, ты только что нашел такую, просто еще не понял этого!

Фрэнсис недоверчиво нахмурился:

– Леди Сефора Коннот помолвлена и собирается выйти замуж за единственного сына герцога. Небольшое препятствие, не правда ли? Я уже не говорю о том, что мы с ней пока не обменялись ни единым словом.

– Непременно обменяетесь. Она наверняка захочет лично поблагодарить тебя за то, что ты ради нее рисковал жизнью. В том, что ты прыгнул в быструю холодную реку, должно быть и что-то приятное!

– Неужели это бренди так действует на вас? Будь я проклят, если у так называемого «ангела высшего общества» не хватит ума держаться от меня подальше!

– Фрэнсис, ты слишком невысокого о себе мнения. Кузен Сета Гринвуда, Адам Стивенейдж, говорит, что ты пытался спасти Сета. По его словам, ты держал его голову над водой несколько часов подряд, а умер он от холода, когда сгустились сумерки, – произнес Люсьен тихо, но убежденно.

– Прекрати! – Фрэнсис отвернулся, не скрывая гнева. – Вы и понятия не имеете, что случилось в Хаттонс-Лэндинг!

– Так расскажи нам! Помогли все понять, вместо того чтобы грызть себя из-за прошлого. Фрэнсис покачал головой, но слова словно сами сорвались с его губ.

– Стивенейдж ошибается. Сет погиб из-за моей глупости.

– Что это значит?

– Из-за глупости и жадности. Он хотел уехать после первой удачи, а я убедил его остаться.

– Надолго?

– На месяц или больше.

– На тридцать дней? – Люсьен встал и подошел к окну. – Достаточно времени для того, чтобы он успел передумать, если бы захотел. Сегодня ты долго размышлял, прежде чем прыгнуть в воду?

Фрэнсис нахмурился, не понимая, куда клонит друг, и Люсьен продолжал:

– Две секунды, пять секунд, десять?

– Ну, может, две, – тихо ответил Фрэнсис.

– За эти секунды тебе не хотелось передумать?

– Нет.

– Так вот, Фрэнсис, в распоряжении Сета Гринвуда были миллионы секунд, но он сам решил остаться. Был бы ты виноват, если бы сегодня прыгнул в воду и не выплыл на поверхность? И как по-твоему, нам тоже пришлось бы мучиться чувством вины до самой смерти, потому что ты попытался спасти леди Сефору Коннот? Неужели поступки одного человека становятся крестом, который другой несет вечно, если все заканчивается не так, как было задумано?

Гейбриел расхохотался и принялся разливать всем бренди.

– Люс, тебе бы следовало стать адвокатом, а тебе, Фрэнсис, – священником. В голове у человека странно переплетаются логичные доводы и чувство вины. Давайте выпьем за дружбу! И за жизнь, которая нам осталась, – добавил он, когда они чокнулись в полумраке библиотеки.

Фрэнсису стало неизмеримо лучше. У него полегчало на душе от логики, которая уже давно ускользала от него. Да, верно, он купался в сознании своей вины и все глубже погружался во мрак. Он лишился надежды и не мог жить полной жизнью.

Он должен двигаться вперед. Нужно начать жизнь с чистого листа и поверить: все, что он потерял, можно вернуть. Счастье. Радость. Силы, чтобы сохранить верность самому себе.

Перед тем как прыгнуть, он слышал голос – он так и не понял, откуда тот доносился, с неба или из его собственной головы. Голос был знакомым и любимым. Голос велел ему спасти девушку, чтобы спасти самого себя и снова обрести цельность.

Неужели он сходит с ума? Неужели такие галлюцинации – результат чрезмерного самокопания? Подняв бокал, он отпил большой глоток. Только что он рассказал друзьям половину

долгой и мрачной истории. Вторая ее половина настолько болезненна, что ее лучше не знать никому.

Глава 3

Прошло пять дней. Фрэнсис сидел в библиотеке. В дверь постучали; на пороге показался встревоженный дворецкий.

– Лорд Дуглас, к вам какой-то джентльмен. Из Гастингса, милорд. Вот что он мне дал.

Уолш вручил ему карточку, и Фрэнсис прочел: «Игнотус Уиггинс, адвокат».

– Пригласите его войти, Уолш.

Гость оказался коротышкой в старомодном коричневом костюме. Он долго возился с застежкой кожаного саквояжа, выставив его перед собой, как щит.

– Милорд, я был поверенным мистера Клайва Шерборна. Я приехал сообщить вам, что неделю назад его убили в Гастингсе. По слухам, все произошло быстро; ему перерезали горло и ударили ножом в почку.

«Боже правый», – подумал Фрэнсис. Он встал, представляя себе столь ужасную кончину, и подумал о покойнике. Клайва Шерборна он видел лишь однажды. Много лет назад тот приезжал в особняк Дугласов с женой, ярко и безвкусно одетой красоткой, чья речь выдавала низкое происхождение. Супруги явились с единственной целью: сообщить его дядюшке о рождении девочки, которая, по их словам, была его незаконнорожденным отпрыском. Тогда Шерборнов сопровождал Уиггинс.

Линтон Сент-Картмейл пришел в ярость и не пожелал слушать их бредни. Фрэнсис слышал, как дядя кричал, что не допустит шантажа. В конце концов он приказал выставить их вон.

В тот раз Клайв Шерборн держал на руках младенца. Девочка побагровела от крика; у нее были черные прямые волосы и светлая кожа. На прощание Шерборн заявил, что пришлет к лорду Дугласу своего адвоката. Судя по голосу, он получил хорошее образование. Кто бы мог подумать, что пройдет несколько лет, и его зверски убьют! Интересно, подумал Фрэнсис, что произошло в промежутке и что привело к такому страшному концу.

– Милорд, мистер Шерборн просил меня сообщать вам обо всех важных событиях в его семье, и вот... я приехал известить вас о его гибели, событие по всем меркам важным.

– Смерть – в самом деле важное событие, мистер Уиггинс.

Фрэнсис ненадолго задумался о том, жива ли мать ребенка, жена Шерборна, и что стало с маленькой девочкой. Интересно, почему вернулся Уиггинс – ведь после предыдущего визита Шерборна прошло уже много лет.

– Сэр, покойный – естественно, еще при жизни – передал мне письмо и велел в случае его смерти вручить вам в собственные руки. Он хотел убедиться, что об Анне Шерборн... позаботятся. Он был непреклонен в том, что я должен передать вам его последнее письмо лично, милорд, и никому не позволять занять мое место...

Теперь Фрэнсис отчетливо вспомнил Уиггинса; выглядел адвокат так же, как и в прошлый раз. Тогда он бурно жестикулировал, глядя на вопящий сверток, в котором помещалась нежеланная новорожденная девочка, а на сей раз он плотно сжал руки. В его черных глазах мелькало плохо скрываемое смущение, смешанное со страхом.

– Лорд Дуглас, я больше не желаю жить во лжи. Ваш дядя Линтон Сент-Картмейл хорошо заплатил мне, чтобы я никому не рассказывал о его незаконнорожденной дочери, и с тех самых пор я об этом жалею.

– Он вам заплатил?!

– Из своих личных средств, милорд, причем значительную сумму. Все расписки здесь.

От ужаса у Фрэнсиса перехватило дыхание. Значит, девочка – все же его кузина... и виной всему дядино беспутство! От потрясения волосы встали у него на затылке дыбом. Линтон отмахнулся от ребенка, сказав, что женщина легкого поведения просто решила вытрясти из Дугласов деньги. У Фрэнсиса, которому тогда было двадцать два года, не было никаких

оснований подозревать старого дядюшку во лжи. Он не мог поверить в ужасную правду и с трудом заставил себя слушать дальше. Тем временем Уиггинс продолжал:

– Как вы понимаете, все кончено, и меня нельзя обвинять в последствиях. Я уже немолод, милорд, и стараюсь примириться со Всевышним, а давний обман много лет не давал мне покоя.

Открыв саквояж, адвокат достал толстый конверт с документами, которые разложил на столе.

– Вот письмо, переданное мне мистером Шерборном. Здесь указано, сколько денег лорд Дуглас платил ему на содержание ребенка, и перечислены все дополнительные суммы. Позвольте также заметить: хотя за деньги можно купить многое, счастье к таким вещам не относится. К сожалению, мисс Анна Шерборн сейчас очутилась на содержании прихода; она понятия не имеет об обстоятельствах своего происхождения и о своем положении в обществе.

– Где она сейчас?

– Там все указано, милорд, все написано в письме, но...

– Что «но»?

– Девочку растили кое-как, без всяких правил. Хотя Клайв Шерборн родился джентльменом, судя по его поступкам, так не скажешь. Его жена, упокой Господь ее душу, была еще менее порядочной, чем ее муж. Короче говоря, девочка дурно воспитана; она настоящий сорванец и очень зла. Вполне вероятно, ей понадобится от вас не просто временная крыша над головой, но нечто большее.

У Фрэнсиса голова пошла круМгом. И все же он старался рассуждать логически.

– В таком случае, мистер Уиггинс, благодарю вас за доверие и за услуги. Искренне надеюсь, что вы привезете девочку в Лондон в следующие несколько дней, ведь необходимо подтвердить, что она – Дуглас по рождению. – Он говорил тихо, и ничто, кроме дрожащих рук, не выдавало кипевшей в нем ярости на дядю.

Заплатив Уиггинсу за труды, он проводил незваного гостя.

Теперь ему предстоит отвечать за постоянные безответственность и безрассудство Линтона Сент-Картмейла! Он взломал печать; письмо, переданное ему Уиггинсом, вдруг показалось ему очень тяжелым.

Анне Шерборн почти двенадцать лет. Он задумался, стараясь вспомнить себя в этом возрасте. Надменный. Самоуверенный. За несколько лет до того погибли его родители; можно сказать, что он имел некоторое право на такую воинственность. Но жизнь Анны Шерборн тоже была нелегкой, и, судя по словам адвоката, она... была сильно травмирована.

Про него тоже говорили, что он «травмирован»... Вспомнив сплетни и пересуды, он встал и подошел к окну. Какого дьявола он будет делать с почти двенадцатилетней девчонкой? Как обращаться с существом женского пола такого возраста, как достичь успеха? Судя по тому, что рассказал Уиггинс, ею в жизни никто не занимался по-настоящему, и он не хотел и дальше калечить ее из-за своего невежества. Дядя, должно быть, знал, что делал, когда прогнал неподходящую любовницу вместе со своим незаконнорожденным отпрыском, назначив им солидную финансовую поддержку. Он надеялся, что больше никогда их не увидит.

И вот теперь дядина дочь свалилась на него. Придется нанять гувернантку, какую-нибудь почтенную даму, добрую, но строгую. Может быть, ей удастся сгладить все шероховатости и неровности, какие можно ожидать от своенравного заброшенного ребенка. Ему самому понадобятся и выдержка, и честность. И удача, добавил он, глядя на свое отражение в окне.

Царапины, оставленные Сефорой Коннот у него на правой щеке, почти зажили, хотя их еще можно было разглядеть: три красные полоски, идущие от уголка глаза.

Зато слева лицо портил шрам, оставшийся после Пиренейской кампании. Он замечал, что многие украдкой косятся на уродливый рубец, который шел через всю щеку. Но он еще много лет назад сознательно решил, что шрам не станет его главной приметой. И все же ино-

гда... Он бессознательно провел пальцем по шраму и тяжело вздохнул. Каким он был тогда – и кто он сейчас...

Сегодня он в обществе Гейбриела и Аделаиды Хьюз должен ехать на бал, который давали в честь отца одного общего знакомого. В глубине души ему никуда не хотелось выходить, особенно после недавнего глупого инцидента у реки, но разум подсказывал: если про него и будут сплетничать, быть по сему.

Небольшая часть его души также надеялась, что на балу будет и леди Сефора Коннот. Ему хотелось взглянуть на нее и проверить, совпадают ли описания ее внешности с его воспоминаниями о ней.

Может быть, ассоциацию вызвали слова Люсьена о том, что ее называют «ангелом светского общества», но он начал воображать леди Сефору какой-то святой. Волосы у нее светлые, это он помнил отчетливо, а вот лица он не разглядел, потому что в воде черты казались нечеткими. Зато успел заметить, что губы у девушки пухлые и изогнутые; он с трудом оторвался от них под водой, когда поделился с ней воздухом.

После такого интимного поступка в нем пробудился странный, неотступный интерес к ней. За свою жизнь он перецеловал множество женщин, со многими из них ложился в постель, но впервые ощутил... что? Привязанность? Одержимость? Возбуждение, которое показалось ему непристойным?

Все вместе – и ничего. Зайдя к себе в комнату, он посмотрел на одежду, подготовленную камердинером на вечер, и выругал себя за бездумную и глупую сентиментальность.

Сефора Коннот скоро выйдет замуж за маркиза Уинслоу, сделает по всем меркам хорошую и достойную партию. И все же он надеялся, что на сегодняшнем балу увидит неуловимую дочь лорда и леди Олдфорд, пусть даже для того, чтобы понять: будоражащие воспоминания вдребезги разбиваются при столкновении с холодной, тяжелой правдой жизни.

Сефора не хотела ехать на бал к Хедли; она решительно объявила об этом матери.

– Дорогая моя, с твоей стороны вполне естественно нервничать, а после событий прошлой недели по-другому и нельзя, но невозможно вечно отсиживаться дома! Пяти дней вполне достаточно. Там рядом с тобой будут Ричард и Мария и мы с твоим отцом – на тот случай, если у кого-то хватит глупости отпустить непочтительное замечание. Не сомневайся, мы разберемся с наглецами!

Хотя слова матери показались ей совершенно разумными, Сефора впервые в жизни не была уверена в том, что все снова будет в порядке. Она либо постоянно была в слезах, либо чувствовала такую усталость, какой не знала никогда в жизни. Врач, которого к ней пригласила мама, заверил Сефору, что она поправится «только общаясь с людьми и принимая участие в светских мероприятиях».

Его слова ужасно рассмешили Марию; даже Сефора впервые за несколько дней улыбнулась. Однако вечером, примеряя новое платье лимонного цвета с рюшами на рукавах и шелковым лифом, она чувствовала рассеянность и головокружение.

Лодыжка зажила, и она почти не замечала боли. Правда, доктор велел ей не снимать повязку еще несколько дней. Ричард подарил ей комплект из сережек и браслета, чтобы она надела их на сегодняшний бал. Жених выражал надежду, что подарок поднимет ей настроение.

Настроение не поднималось. Сефора испытывала только неловкость и боялась, что бриллианты – взятка за его... что?

Она поняла, что не выносит прикосновений Ричарда, пусть даже нежных или нечаянных. Она не могла смотреть ему в глаза, боясь, что он увидит в ней искру осуждения. Трус! Самозванец... Он не смог и не захотел ее спасти.

Сефора уговаривала себя: она несправедлива. Подобно многим представителям светского общества, Ричард не умеет плавать. После происшествия он, как мог, старался, чтобы

невеста поскорее исцелилась и была счастлива. Каждый день ей приносили от него огромные букеты роз. Теперь аромат роз навсегда будет связан у нее с тем ужасным 2 С. Джеймс «Надежды леди Коннот» днем... Сефора решила, что будет ненавидеть запах роз до конца своих дней!

«До конца своих дней»... Вот главное. Она была на волосок от смерти и никак не могла с этим смириться. Правда, она еще живет – дышит, ест, спит, ходит.

И все же... она не живет.

Она как будто по-прежнему под водой, скованная тяжелой одеждой, в темноте... и в ожидании смерти.

По спине побежали мурашки; она вздрогнула. Ей казалось, что она больше никогда не сможет согреться, хотя горничная заканчивала завивать ей голову горячими щипцами.

Через несколько минут, посмотревшись в зеркало, Сефора решила, что выглядит вполне пристойно, как всегда перед балом или другим светским мероприятием: вежливая, грациозная и сдержанная. До последней недели ее никогда и ни за что не осуждали. Так было, пока случайные свидетели не увидели, как она, в мокрой и растерзанной амазонке, всем телом прижимается к Фрэнсису Сент-Картмейлу, как будто от этого зависела ее жизнь.

Правда, от этого действительно зависела ее жизнь. Она улыбнулась и покраснела, сама себе удивившись. Она редко краснела и неожиданно подумала, что румянец ей к лицу. Глаза кажутся более яркими, а волосы – более золотистыми. Обычно ее лицо сравнивали по цвету с алебастровой статуей, со скульптурой «Три грации», которую она видела в альбоме по искусству в книжной лавке Лакингтона на Финсбери-сквер. И, подобно статуе, она была хладнокровной и сдержанной. Она не знала ни принуждения, ни сильных страстей...

Сефора отвернулась от зеркала, когда в ее комнату влетела Мария.

– Экипаж подан! Мама, папа и маркиз ждут внизу.

Сестры спустились в холл.

– Поехали! Мария, где твоя накидка? На улице холодно, не хватало еще простудиться. Сефора, не забудь взять самый теплый плащ. Сегодня ветер, а весна в этом году поздняя. После происшествия на мосту не хватало еще, чтобы ты заболела! Защитные силы твоего организма понизились от тревоги.

После маминых напутствий они отправились на бал. Мария всю дорогу не переставая радостно болтала, мать отвечала односложно.

Сефора, сидевшая напротив, между отцом и Ричардом, развлекалась тем, что задерживала дыхание и отсчитывала секунды. Интересно, долго ли она сможет не дышать, прежде чем потеряет сознание? У себя в комнате она медленно досчитала до пятидесяти, а потом перед глазами замелькали черные пятна. В экипаже она не смела не дышать так долго. И все же ей нравилось управлять собой, молча и скрытно. Этого у нее никто не отнимет; здесь она обладает неоспоримой и непререкаемой властью.

Полчаса спустя она подумала: хорошо, что в бальной зале тепло. Пока они продвигались в толпе гостей, она совсем не испытывала страха.

– Ты сегодня выглядишь чудесно, любимая, – сказал Ричард, когда они заняли места в первых рядах; с их мест было хорошо видно оркестр. – Лимонный цвет и шелк тебе очень к лицу.

– Спасибо, – холодно и отстраненно отозвалась Сефора.

– Надеюсь, сейчас музыканты заиграют, и мы потанцуем.

Сердце у нее забилось чаще, и она поспешила отогнать страх.

– Конечно.

Она справлялась с собой, чему обрадовалась. Ей удастся быть той, кого в ней видели все. Никто не смотрел на нее слишком пристально, никто не прекращал разговаривать при ее

приближении, никто не шептался у нее за спиной и не прикрывал рот веером, чтобы можно было обмениваться инсинуациями. Никто ее не жалел.

Жених коснулся большим пальцем сережки из белого золота с замысловатым узором.

– Как только я их увидел, любимая, сразу понял, что они тебе пойдут! Я собирался немного придержать их и сделать тебе сюрприз на день рождения, но мне показалось, что тебя необходимо подбодрить, чтобы ты развеселилась. Мне удалось получить у Ранделла хорошую скидку; он надеется, что в будущем, став герцогом, я не оставлю его своим вниманием.

– Да уж, не сомневаюсь. – Сефора старалась сдерживать сарказм, но не поняла, удалось ли ей это, потому что жених развернулся и пристально посмотрел на нее.

Раньше она так не поступала; сарказм называют юмором бедняка. Сегодня же она ничего не могла с собой поделывать. Люстра над ними напоминала размытое пятно света под водой, и Сефора вдруг почувствовала, что задыхается.

Все вокруг было живым, движущимся олицетворением жизни: пять сотен человек, мириады оттенков цвета, аромат тонких блюд и дорогих вин. Не думая, она потянулась к хрустальному бокалу на длинной ножке, который только что вынес лакей на серебряном блюде; и если Ричарду не понравился ее жест, по крайней мере, ему хватило ума не говорить об этом.

Она редко пила спиртное, но сегодня освежающий напиток ее совершенно не привлекал. Цветом он почему-то напоминал воду в Темзе: мутный, холодный и непонятный. Она жадно выпила вино, как человек, который обнаружил источник воды посреди бесконечной африканской пустыни, и потянулась за вторым бокалом. Мать осуждающе покачала головой; Ричард прикусил губу, пытаясь улыбнуться. Его глаза полыхнули гневом.

Но ей стало так хорошо – тихое бегство, которое утихомирило постоянный страх и сделало все вокруг более сносным. Даже безвкусный новый браслет, мерцающий в свете люстры, показался более привлекательным.

Музыканты заиграли вальс. Когда жених взял ее под руку и повел танцевать, она не сопротивлялась. Его близость перестала так раздражать ее, как еще десять минут назад; она подумала, что, вероятно, вела себя слишком резко с мужчиной, который, в конце концов, любит ее. Он не виноват, что не научился плавать.

К постоянной близости она привыкла. Его короткие каштановые волосы хорошо пострижены и уложены; запах его лосьона после бритья с нотками бергамота и мускуса был ей хорошо знаком.

– Ты выглядишь очень хорошенькой, Сефора. – На сей раз его улыбка была неподдельной, и на миг она увидела в нем мальчика, с которым вместе росла и играла, хотя его следующие слова совершенно уничтожили ностальгию. – Правда, мне кажется, что тебе больше не следует пить вино.

– Почему? Оно только начало действовать на меня!

– Ты уже выпила два полных бокала, любимая; вино ударит тебе в голову, и ты станешь легкомысленной.

– Легкомысленной? – повторила она, словно катая слово на языке; оно ей понравилось.

Никогда в жизни она не была легкомысленной. Она всегда была серьезной, сдержанной и вежливой – пока не упала в реку и не узнала о себе нечто новое. Ей все труднее было скрывать то, что она обнаружила там, под водой.

Всего на секунду ей показалось, что она ненавидит своего жениха так пылко, что способна его ударить. Но секунда прошла, она снова стала самой собой. Собственный порыв ее напугал, и от страха она стала бессильной.

Кто таится внутри ее? Что прячется под красивой, ангельской внешностью, под лимонным шелковым платьем, под кудрявыми волосами, под изящными, расшитыми драгоценными камнями туфельками у нее на ногах?

Вдруг у нее разболелась голова, да так сильно, что ее замутило. Ричард в редкую минуту сочувствия понял, что с ней, и повел ее к креслу у стены вдали от толпы.

– Посиди здесь, Сефора, а я разыщу твою матушку. Вид у тебя совсем не цветущий.

Она лишь кивнула в ответ и посмотрела ему вслед. Его субтильная фигура скрылась в толпе, и на его месте появился мужчина, которого она сразу узнала.

– Вы! – прошептала она, понимая, что ведет себя не слишком вежливо. Перед ней стоял Фрэнсис Сент-Картмейл.

– Рад видеть, что вы поправились, леди Сефора. Очень жаль, что я не остался и не позаботился о вас после того, как... – Граф замолчал.

– После того, как я едва не утонула? – закончила она за него, и он улыбнулся; улыбка немного смягчила его лицо: шрам на левой щеке уменьшился, а три царапины на правой щеке почти скрылись в ямочке.

– «Едва не утонула» – сильно сказано. Будем считать, что вы просто сильно промокли.

Вот в каких словах она нуждалась! Рядом с ним она забыла о страхе и ужасе, не отпуская ее после случившегося. Когда он смотрел на нее, в его глазах плясали веселые огоньки. Сефоре хотелось, чтобы он продолжал говорить, но он молчал, хотя молчание, которое воцарилось между ними, было красноречивее любого разговора.

– Благодарю вас, – с трудом выговорила она наконец.

– Не стоит благодарности, – ответил он и ушел.

Вскоре вернулся Ричард в сопровождении ее матери. Мать смотрела на нее озабоченно и встревоженно.

– Тебе еще рано выезжать в свет! Зря мы послушались доктора... Я поговорю с ним и скажу, что ехать на бал так скоро после...

Она говорила и говорила, но Сефора ее не слушала. Она радовалась, что снова очутилась в безопасности.

«„Едва не утонула“ – сильно сказано. Будем считать, что вы просто сильно промокли», – повторила она про себя слова графа.

Вдруг она поняла, что Фрэнсис Сент-Картмейл ни за что не позволил бы ей утонуть. Он прыгнул бы в воду и спас ее, даже если бы река была глубиной в десять или двадцать футов. В случае необходимости он бы пронес ее против течения в тысячу раз более опасного и на реке в пятьдесят раз шире.

Потому что он мог ее спасти.

Потому что она поверила, что он может ее спасти, этот загадочный и необычный граф с широкими плечами и стальными руками.

Облегчение настолько потрясло ее, что она едва могла дышать. При этой мысли она улыбнулась. Дышать – пожалуй, единственное, что она может в бальной зале Хедли под тридцатью с лишним изящными люстрами и струнным оркестром, который играет вальс!

Она жива и здорова. Искра в ней не совсем погасла, и сейчас внутри ее начался процесс возрождения.

Просто невероятно!

У Фрэнсиса Сент-Картмейла хорошая улыбка. А его кольцо на мизинце оказалось точно таким, как ей увиделось. У него низкий, добрый голос, а глаза светло-карие, как листья, которые лежат в лесу после особенно холодной осени; в них мелькают зеленые и золотистые искры.

Остальные гости украдкой, исподтишка следили за ним. На лицах, которые оборачивались ему вслед, можно было прочесть и страх, и благоговение, и кое-что другое. Изумление, если это можно так называть, сопровождало его, когда он шел один в море цвета, одетый в черный простой сюртук.

Сефора надеялась, что у графа есть друзья, которые, так же как и он, рискуют быть не связанными рамками светского общества. Она огляделась по сторонам; Сент-Картмейла нигде не было видно. Зато Ричард и ее мать пристально наблюдали за ней.

Не хотелось ехать домой. Напротив, хотелось остаться, чтобы снова увидеть графа и, может быть, еще немного поговорить с ним.

От него приятно пахло мылом, лимоном и чистотой; от такого бодрящего аромата у Сефоры мгновенно прошла головная боль.

Мать встревоженно взяла ее за руку.

– Хочешь поужинать, дорогая? Может быть, тебе полегчает, если ты что-нибудь съешь?

Меньше всего ей сейчас хотелось есть, но уж лучше куда-то идти, чем стоять на одном месте, точно громом пораженная, поэтому она кивнула.

После этого самого неожиданного разговора Фрэнсис подошел к Гейбриелу Хьюзу, который наблюдал за ним из дальнего угла. Он стоял, прислонившись к колонне.

– Она и вправду такая, как ты ожидал?

– Полагаю, ты имеешь в виду леди Сефору?

– Фрэнсис, тебе не идет игра в кошки-мышки. Я видел, как ты с ней разговаривал. Ну и что ты о ней думаешь?

– В прошлый раз она показалась мне не такой маленькой и бледной... Она чего-то боится.

– Чего?

– Наверное, тогда она смирилась с мыслью о неминуемой гибели и с тех пор мучается. Она поблагодарила меня за то, что я ее спас.

– А больше она ничего не сказала?

– Потом мы оба немного помолчали. Я не нашелся с ответом...

– Как потрясенный Персей, который влюбился в тонущую Андромеду. – В голосе Гейбриела слышались шуточные нотки, но Фрэнсис сделал вид, будто ничего не понял.

– Да ведь она же упала в реку с моста! Ее не приковали к скале в ожидании, когда накинутся морские чудовища!

– И тем не менее после спасения невольно возникают такие аналогии. Я бы вспомнил о некоторых верованиях, согласно которым спасенный и спаситель объединяются узами на всю жизнь.

– Не слишком ли большая цена? Я ничего подобного не заметил в глазах Сефоры Коннот, хотя они у нее удивительные.

Гейбриел кивнул:

– Многие молодые поэты сочиняют стихи о ее небесно-голубых очах. Количество ее поклонников огромно, хотя она всем и каждому отказала.

– Ради маркиза? – Фрэнсис не хотел задавать этот вопрос, но, к собственному удивлению, задал.

– Уинслоу считается в свете кем-то вроде образца; ему подражают и в манере одеваться, и в поведении в обществе. Говорят, что с другими он ведет себя напыщенно и надменно.

– Выглядит он вполне безобидно. – Фрэнсис посмотрел на противоположную сторону залы, где стояла молодая пара. Фрэнсис заметил, как маркиз прижал к себе Сефору.

– Безобидно, но властно. Видишь, он словно приклеился к ее локтю? Аделаида сказала: если бы я вот так постоянно нависал над ней, как маркиз Уинслоу над своей невестой, она бы ткнула меня локтем в ребра.

– А может, леди Сефоре нравится его близость?

– По-моему, она ему это позволяет, потому что не знает, что можно по-другому.

Сефора Коннот стояла в профиль к свету. Граф заметил, что у нее небольшой вздернутый носик, точеный лоб и высокие скулы. Она по-прежнему была очень бледна.

– Судя по всему, Уинслоу очень собой доволен. Помнишь, как он распоряжался там, на берегу реки? Зато его будущая супруга сегодня сама на себя не похожа. Может быть, она не так уж довольна своим женихом? Может быть, ей хотелось, чтобы он забыл об осмотрительности и поступил более самоотверженно, прыгнув за ней в воду?

– Гейб, перестань подтрунивать. – Аделаида погладила мужа по плечу. – Произошел несчастный случай. Все очень испугались и не сразу пришли в себя. Но потом все старались ей помочь – даже маркиз, несмотря на его педантизм и требовательность.

Фрэнсис задумчиво покачал головой:

– Нет, мне кажется, Гейб верно подметил его суть. На следующий день Уинслоу прислал мне свою карточку. В цветистых выражениях поблагодарив меня за спасение его невесты, он также намекнул, что дальнейшая переписка с леди Сефорой нежелательна. Он не хочет, указал он, чтобы ее беспокоили напоминаниями о происшествии, и понадеется, что я постараюсь поскорее все забыть – он уже забыл.

– Значит, тебе суждено стать спасителем без последствий? Человеком, который едва удостоился благодарности? – Вид у Гейбриела сделался такой, словно ему захотелось подойти к маркизу и одним ударом снести ему голову с плеч.

– У Уинслоу тяжело болен отец; возможно, сейчас у него много других забот. – Аделаида нахмурилась. – Правда, и мне трудно понять, что в нем нашла Сефора Коннот.

– Они вместе росли, – ответил Гейбриел. – Их родители близкие друзья. Семьи связаны прочными узами. Их помолвка стала данью традиции. Не сомневаюсь, родители леди Сефоры одобряют ее выбор.

У них на глазах полная, уверенная в себе дама, леди Олдфорд, повела Сефору прочь; Фрэнсис заметил, что стоявшие вокруг люди прощались. Что же в этой молодой женщине так его заинтриговало? Она – любимая дочь светского общества; ей удалось сделать одну из самых блестящих партий сезона, не вызывая ни у кого даже намек на критику. Ею все восхищаются. Она – воплощение добра, правды и откровенности; к тому же она красавица. Выругавшись, Фрэнсис отвернулся. Он испытал облегчение, когда лакей предложил им поднос с напитками.

Глава 4

Час спустя Фрэнсис стоял у высокого открытого окна в наименее заполненной гостями части зала. Он жалел, что нельзя выйти и насладиться сигарой, хотя на других балах его частенько заставляли в парках женщины, мечтавшие перекинуться с ним словом – и не только. Сегодня ему этого не хотелось.

Кто-то положил руку ему на плечо, и он обернулся. Рядом с ним очутилась Сефора Коннот; на ее лице застыло молящее выражение.

– Рада, что мне посчастливилось застать вас в одиночестве, лорд Дуглас, – тихо проговорила она. – Дело в том, что я написала вам письмо и собиралась отдать его еще до нашего с вами разговора. Маркиз дал понять, что послал вам свою карточку с благодарностью, но мне хотелось поблагодарить вас лично.

Она извлекла из сумочки сложенный лист бумаги и протянула ему:

– Не читайте, пока не вернетесь домой. Обещайте!

С этими словами она ушла и вскоре смешалась с группой хихикающих женщин, которые проходили мимо. Чуть дальше стояла ее мать.

Их взгляды встретились; леди Олдфорд не отвернулась. Смущение в ее глазах сменилось стальным гневом. Склонив голову в знак приветствия, Фрэнсис развернулся, крепко сжимая в руке письмо от ее дочери.

Сефора считала, что правильно поступила, отдав ему свое послание. Она лишь надеялась, что он не станет показывать письмо своим друзьям и те не станут над ней смеяться. Мать взяла ее под руку. Вскоре к ним присоединился Ричард.

Сефора не могла допустить, чтобы храбрость Фрэнсиса Сент-Картмейла удостоилась лишь поверхностной благодарности Ричарда. Она решила, что непременно поблагодарит его лично и напишет, какое облегчение она испытала.

Поняв, что рассчитывает на ответ, она невольно вздохнула и поморщилась. Отчего же она все-таки отважилась подойти к нему? Наверное, все дело в выражении его глаз – и в глубоком шраме на щеке. Ему причинили сильную боль, и ей не хотелось ее усугублять. Она успела заметить даже оставленные ею царапины на другой щеке...

К сожалению, ее мать видела, как она разговаривает с графом. Конечно, мать ничего не скажет в присутствии Ричарда. Мария весело болтала и смеялась; Сефора невольно позабывала сестре, ее способности радоваться жизни. Куда же пропала ее собственная радость? Впрочем, ей не слишком хотелось заниматься самокопанием.

Фрэнсис Сент-Картмейл стоял в противоположном углу; ей показалось, что его окружает плотная толпа дам и девиц. Сефора узнала Элис Бейли и Кейт Хейсом-Браун, двух самых ярких дебютанток последнего лондонского сезона. Обе обмахивались веерами, как опытные кокетки, которые знали себе цену.

– Сефи, тебе понравился вечер? – спросил отец, очутившись рядом.

– Да, папа. – Услышав свое детское имя, Сефора невольно улыбнулась.

– Приятно видеть тебя радостной после того, как ты так ужасно напугалась.

Просто «напугалась»? Она нахмурилась, думая: родители понятия не имеют о том, что творится у нее в голове.

– Мы едем домой, а маркиз решил еще ненадолго остаться. Наверное, Ричарду нужно кое с кем переговорить, ведь его отец серьезно болен.

– Вы видели герцога несколько дней назад. Как он себя чувствует?

– К сожалению, неважно. Они с тетей Джозефиной едут в загородное поместье. Надеюсь, он хотя бы успеет порадоваться за вас и поприсутствует в ноябре на свадьбе своего единственного сына, прежде чем...

Отец замолчал, и горло у Сефоры сжалось от волнения. Дядя Джеффри был хорошим человеком и всегда проявлял к ней доброту. И все же даже ради отца Ричарда ей не хотелось сдвигать свадьбу на полгода... При одной мысли о свадьбе ее замутило.

Она как будто стояла на пороге и должна была переступить его; как только она перешагнет порог, она уже не сможет вернуться. Кроме того, она испытывала невероятную радость оттого, что Ричард сегодня не сопровождает их домой. Она невольно задумалась над своими чувствами, но решила не демонстрировать облегчение здесь, в переливающейся огнями бальной зале.

Мать внимательно наблюдала за ней. Чуть поодаль Сефора заметила Аделаиду Хьюз, жену лорда Уэсли; та смотрела на Сефору с интересом.

Ей казалось, что сейчас ее жизнь стремительно меняется, словно она вытаскивает карты из произвольно разложенных колод: здесь джокер, там червонный король... Превратность судьбы – и комбинация у нее на руках может оказаться совсем не той, которую она столько лет сжимала так крепко.

Похоже, мутная вода Темзы освободила ее от внезапной опасности и сильного страха. До трагического происшествия ее жизнь текла медленно и размеренно, без волн и даже ряби.

Сефора радовалась, что отдала письмо Фрэнсису Сент-Картмейлу, радовалась, что набралась храбрости и, воспользовавшись случаем, поступила вразрез с тем, что о ней думали все.

Лакей отыскал накидки Коннотов в элегантной прихожей особняка Хедли; через несколько минут семья уже направлялась домой.

Фрэнсис налил себе выпить и открыл окна на одной стороне библиотеки. Набрав полную грудь воздуха, он захлопнул дверь и сунул руку в карман сюртука. Затем сел за широкий дубовый стол.

Письмо без адреса оказалось запечатано кусочком красного воска. На нем не было ни герба, ни ленты. Он поднес послание к носу и уловил слабый цветочный аромат. Конечно, Сефора Коннот не душила письмо. Просто лист бумаги впитал ее аромат и передал ему.

Он улыбнулся сам себе, дивясь тому, что не торопится вскрывать послание. Наконец он сломал печать и развернул листок.

«Фрэнсису Сент-Картмейлу».

Она писала мелким и аккуратным почерком, но буква «с» у нее была вытянутой, с изящными завитушками.

Она обращается к нему по имени, без титула. Возможно, какое-то время она думала, как лучше начать письмо... Фрэнсис пожал плечами и стал читать:

«Позвольте от всего сердца поблагодарить вас за то, что вы спасли меня из реки. Было глубоко, холодно, и на мне была очень тяжелая одежда. Наверное, в детстве мне стоило научиться плавать; тогда я, по крайней мере, попыталась бы спастись. Я же оказалась в ловушке от страха и паники.

Вот почему я решила вам написать. Мне сказали, что я сильно оцарапала вас. Моя сестра Мария часто напоминает мне об ущербе, который я вам причинила; вряд ли маркиз Уинслоу принес вам свои извинения.

Во всем виновата я.

Думаю, что и вам мое спасение далось нелегко. По словам Марии, когда вы вынесли меня на берег, вы выглядели неважно. Надеюсь, что вам уже лучше.

Надеюсь, вам стало плохо не потому, что вы поделились со мной остатками воздуха.

Кроме того, надеюсь, что мне удастся снова встретить вас, чтобы передать это письмо, и вы найдете в каждом его слове мою искреннюю и совершеннейшую благодарность.

Признательная вам
Сефора Фрэнсис Коннот.

Фрэнсис улыбнулся, увидев, что у них есть общее имя; он провел по строчке пальцем. Он не мог припомнить, получал ли раньше от кого-нибудь благодарственные письма. Ему приятно было представлять, как Сефора его пишет, аккуратно и изящно выводя букву за буквой.

Знает ли она о нем хоть что-нибудь? Доходили ли до нее слухи, которыми он не мог гордиться?

Наклонившись вперед, он разгладил листок и перечел письмо. Затем сложил и убрал в карман, стараясь не помять. Шум за дверью привлек его внимание. Уже поздно, за полночь. Кого принесло в такой поздний час?!

Когда дверь распахнулась и он увидел на пороге очень сердитую и растрепанную девочку, он сразу понял, кто она такая.

– Пустите! – Она выдернула руку у пожилого адвоката и шумно выдохнула.

– Полагаю, мисс Анна Шерборн?

Глаза такого цвета, как у него, сердито сверкнули, так напомнив Фрэнсису фамильные черты и характер Дугласов, что он на некоторое время лишился дара речи. Игнотус Уиггинс сделал шаг вперед.

– Извините, милорд, что мы приехали так поздно, но у нашего экипажа отлетело колесо; на починку ушла целая вечность. Итак, лорд Дуглас, я исполнил свой последний долг по отношению к мистеру Клайву Шерборну. Завтра я уезжаю на север Англии, к родне в Йорк. В Лондон я уже не вернусь. Мисс Шерборн нужен домашний очаг. Надеюсь, вы дадите ей крышу над головой. Перед тем она жила у приходского священника, но ее выгнали.

С этими словами Уиггинс откланялся.

Фрэнсис жестом пригласил девочку войти; она очутилась на свету. Она оказалась небольшого роста и черноволосой. Он невольно удивился: и ее мать, и его дядя были блондинами.

Девочка наблюдала за ним исподлобья; на ее худом личике читались гнев и что-то еще, но что – он пока не мог определить. Может быть, потрясение от того, что ее вот так подкинули.

– Я лорд Дуглас.

– Я знаю, кто вы... сэръ. Он мне сказал, – ответила девочка с необычной интонацией, которая повышалась к последнему слову.

Сняв с пальца перстень с печаткой, он положил его на стол между ними.

– Мисс Шерборн, знаком вам этот герб?

Она долго смотрела на печатку.

– Насколько мне известно, у вас есть золотой медальон с таким же гербом. Его прислали вам после того, как вы во младенчестве покинули дом вашего отца – судя по документам, которые мне вручили.

Теперь он заметил на ее лице замешательство, желание сбежать. Фрэнсис осторожно надел перстень на палец и глубоко вздохнул.

– Вы – незаконнорожденная дочь лорда Дугласа, который был моим дядей. Ваша мать недолго была его... любовницей, и плодом связи стали вы. – Фрэнсис не знал, правильно ли поступает, выражаясь без обиняков, но все же решил: если девочка росла в таком доме, который описал ему юрист, вряд ли она отличается чрезмерной стыдливостью. Кроме того, все было написано черным по белому.

– Моя мать недолго со мной возилась. У нее были другие друзья, и я часто была просто обузой. Ни о каком лорде она не говорила.

Девочка положила руку на высокую спинку кресла. Грязные ногти были обкусаны; на среднем пальце виднелась ссадина.

– Что ж, обещаю, что здесь о вас... о тебе... хорошо позаботятся. Я твой двоюродный брат, Анна, и даю тебе честное слово, что никогда тебя не прогоню.

Изумление у нее на лице подсказало: несмотря на свою недолгую жизнь, ей еще никто ничего не обещал, и теперь ей стало страшно.

– Сэр, там, откуда я приехала, честное слово немного значит. Любой может обещать что угодно.

– Знай, Анна, что в моем доме слово кое-что значит. Запомни это.

Когда в комнату вошла миссис Уилсон – по его распоряжению, она на несколько секунд задержалась, – Фрэнсис попросил, чтобы девочку накормили, искупали и уложили спать. Говоря с ней, он заметил, что Анна Шерборн валится с ног от усталости. Если его экономка выглядела удивленной из-за того, какой неожиданный оборот приняли события, она этого не показала. Просто взяла неожиданную и неряшливую гостью за руку и повела на кухню.

– Пошли, милочка, мы найдем тебе что-нибудь поесть, у тебя такой вид, словно ты голодаешь, а в нашем доме так не принято.

Когда они ушли, Фрэнсис невольно схватился за горло и подошел к окну. Ему не хватало воздуха. В такие минуты он нуждался в открытом пространстве.

За несколько дней вся его жизнь изменилась до неузнаваемости.

Сначала он, сам того не желая, заслужил вечную благодарность «ангела светского общества», а теперь оказался опекуном девочки, которую трудно назвать иначе чем «дьявольским отродьем».

Завтра ему понадобится больше узнать о прошлом Анны Шерборн и постараться выяснить, как и почему погиб Клайв Шерборн.

Немного успокоившись, он отпил еще бренди, и пальцы потянулись к нижнему карману, чтобы проверить, там ли письмо. Он достал и разглядел его, а потом в очередной раз перечитал.

Сефора понимала, что Фрэнсис Сент-Картмейл ей не ответит. Прошло уже несколько дней после бала у Хедли. Кроме того, подобная переписка скомпрометировала бы незамужнюю женщину. И все же в глубине души она надеялась, что граф, возможно, передаст ей послание тайно, через горничную. Но она ничего не получала.

Мария настояла, чтобы они пошли гулять после обеда. Хотя Сефоре не хотелось идти туда, куда предлагала сестра, неожиданно для себя она очутилась на тропинке, которая вела вдоль Темзы. Сестра крепко держала ее за руку.

– Сефора, у тебя нездоровый вид, и мама волнуется, потому что ты сильно изменилась. Она просила меня поговорить с тобой о лорде Дугласе, потому что ей кажется, будто ты питаешь к нему расположение. Она уверена, что позавчера на балу ты что-то ему передала. Я пыталась убедить ее, что она ошибается, но она...

– Так и было.

– Ой! – От неожиданности Мария остановилась.

– Я передала ему письмо. Мне хотелось поблагодарить его... за то, что он меня спас... что поделился со мной воздухом... а еще извиниться за то, что я так сильно его оцарапала. Царапины воспалились, и все по моей вине. – Поняв, что болтает слишком быстро, Сефора глубоко вздохнула. – Я рада, что написала.

– И Дуглас ответил?

Сефора покачала головой. Против ее воли глаза наполнились слезами.

– Нет. Я надеялась, что он ответит, но нет.

– А Ричард знает?
– Что я передала письмо? Конечно нет. Он... – Сефора сделала паузу. – Собственник.
– В таком случае как мама обо всем узнала?
– Она видела, как я разговаривала с ним на балу.
– Ты разговаривала с лордом Дугласом? Что он сказал?
– Намекнул, что не дал бы мне утонуть и что это было всего лишь небольшое происшествие. Я ему поверила.

– Боже мой! Он... настоящий герой. Как Орфей, который пытался вывести свою любимую Эвридику из преисподней! Подземный мир – такая же метафора для воды, и оба спасения были сопряжены с таким риском...

– Перестань, Мария! И потом, Орфею ведь не удалось довести дело до конца.

Сестра рассмеялась, смутив ее.

– Сефора, скажи, когда Ричард держит тебя за руку, ты слышишь музыку? Ты чувствуешь тепло, вожделение или желание?

– Нет, а что?

– Не чувствуешь? – В шепоте сестры послышался ужас. – И все же собираешься выйти за него замуж? Боже мой! Ты готова растратить свою жизнь зря? Сефи, я бы так не поступила. Клянусь, я выйду замуж только по любви.

Вожделение. Желание. Любовь. Интересно, что такого знает Мария и что упустила она? Откуда младшая сестра набралась таких мыслей и почему они... пробуждают в ней столько воспоминаний?

– Я выйду замуж за человека, который ради меня готов рисковать жизнью, за человека храброго, доброго и правдивого. Ни деньги, ни репутация не будут играть для меня никакой роли. Что бы ни говорили другие, я решу все сама.

– Мария, о Сент-Картмейле рассказывают не слишком приятные вещи. – Сефоре не понравилось неодобрение в собственном голосе, но она заставила себя продолжать: – Для хорошего брака требуется прочное основание дружбы и доверия. Как у мамы и папы.

– Надеюсь, ты заметила, что последнее время наши родители почти не разговаривают друг с другом.

– Ну, возможно, не последнее время, но... – Она велела себе замолчать.

Им навстречу по тропинке шли трое мужчин; всех троих можно было назвать настоящими красавцами; один из них казался заметно выше остальных.

Лорды Дуглас, Монтклифф и Уэсли... Черные волосы Фрэнсиса Сент-Картмейла отчетливо выделялись на солнце. Он пока не заметил Сефору и Марию, так как они стояли против солнца. У Сефоры екнуло сердце. Что делать? Остаться на месте или бежать?

Ее замутило. Она застряла между правдой и ложью, металась между надеждой и ужасом. Нет, ей не хотелось такой внезапной встречи. Ей нравилось, когда все делается как надо и разворачивается постепенно. Она пришла в смятение... но было уже слишком поздно что-то предпринимать; оставалось лишь идти навстречу с высоко поднятой головой.

Он не ответил на ее письмо. Ей кажется или на его лице в самом деле застыла неприязнь?

– Улыбнись, ради всего святого! – Шепот сестры прорвался сквозь страх.

Сефора послушно растянула губы. Глупо улыбаться, стиснув зубы, стараясь унять биение сердца.

– Дамы... – первым заговорил лорд Уэсли. Его гладкая столичная речь успокаивала.

Сефора велела себе опомниться и выпрямилась.

– Лорд Уэсли... – Голос звучал как обычно.

На лорда Дугласа она не смотрела. Она ни разу не взглянула на него, хотя остро чувствовала его близость.

– Мы совершенно случайно пошли этой дорогой, – с самым невозмутимым видом заявил Гейбриел Хьюз. – Монтклиффу захотелось взглянуть на реку.

Их догоняла тетя Сьюзен, сестра отца. Они с горничной остановились в добрых десяти шагах от них; тетка смотрела на племянниц довольно сурово. Она напоминала матушку-гусыню, которая готова ринуться в бой, но не решается, догадываясь о высоком статусе противников.

Неожиданно Дэниел Уайлд, лорд Монтклифф, подошел к тете Сьюзен, взял ее за руку и отвел в сторону. Лорд Уэсли вдруг затеял с Марией разговор о погоде, хотя предмет разговора его совершенно не интересовал. Поэтому Сефора осталась наедине с Фрэнсисом Сент-Картмейлом.

– Позвольте поблагодарить вас за письмо, леди Сефора. Еще никто не выражал мне благодарность так искренне.

Она забыла, что он так и не написал ей ответ. От одних звуков его голоса мурашки побежали у нее по коже.

– А меня, милорд, еще никогда не спасали так безоглядно и самоотверженно.

– Значит, нам обоим повезло, и мы оба достойны восхищения. – Он улыбнулся, и его светло-карие глаза повеселели, прорезав мрак.

Услышав его шутку, Сефора густо покраснела; она не сомневалась, что ее румянец значительно темнее бледно-розового дневного платья.

Она всегда была так уверена в любой светской ситуации, так хорошо умела вести разговоры ни о чем и так остроумно парировала выпады собеседников! За те четыре года, что она вращалась в обществе, она научилась быть сдержанной, вежливой и скромной. Она ни разу не отпустила неуместного замечания, никого еще не задела словом. Она была осторожной, благочестивой и доброй. Всегда – но только не сегодня. Сегодня вдруг проявилась другая ее часть, которая прежде пряталась.

– Вы меня дразните, милорд? Если да, то вынуждена напомнить, что недавнее происшествие не просто напугало меня. Понимаете, тогда я не сомневалась в том, что скоро умру... Я очень надеялась, что вы мне ответите, но вы не удостоили меня такой чести!

Сефора не верила собственным ушам. Неужели это говорит она? Она даже услышала в собственном голосе умоляющие нотки!

– Едва ли нашу переписку одобрила бы ваша матушка или...

Он не договорил. Сефора догадалась, что он собирался упомянуть Ричарда, но тут вернулись их спутники. Тетя Сьюзен попрощалась. Поняв, что дамы уходят, Сент-Картмейл сделал то же самое и, не оглядываясь, зашагал по тропинке следом за своими друзьями.

– Ах, мои дорогие, какой приятный сюрприз! Видите ли, я знавала лорда Монтклиффа еще мальчиком, ведь мы с его матушкой, упокой Господь ее душу, были близкими подругами. Я думала, что он меня не вспомнит, но... ладно. – Тетя Сьюзен улыбнулась. – Он, конечно, вспомнил меня.

Мария сжала руку Сефоры, и они при первом удобном случае отстали от тетки с горничной.

– Ты так мило покраснела, когда говорила с Дугласом!

– Ш-ш-ш! Мария, предупреждаю: ни слова маме о том, что я говорила с лордом!

– По-моему, уже поздно, дорогая сестрица. Тетя Сьюзен непременно ей все расскажет, как только мы вернемся домой.

– Но если мама тебя спросит...

– Я скажу, что мы встретили их случайно, быстро поздоровались, и все. – Мария скосила глаза ей на руку. – Ричард так и не подарил тебе новое обручальное кольцо?

Сефора покачала головой и накрыла ладонь другой рукой, радуясь, что жених еще не вспомнил о пропаже. Что-то помешало ей пойти к Ранделлу и самой попросить о замене, хотя

у нее имелось достаточно собственных денег. И все же она медлила. Ей не хотелось ощущать кольцо на пальце; оно физически напоминало об узах, которые свяжут ее на всю жизнь. Ее тревожило и то, что Ричард с каждым месяцем делался все более властным и вспыльчивым. Он все время просил передвинуть дату свадьбы на более ранний срок. Неожиданно Сефора поняла: единственные искренние эмоции, которые она испытывает в связи с предстоящей свадьбой, – раздражение и страх. Она радовалась, что до свадьбы еще далеко.

Когда они вернулись домой, ее уже ждал Ричард. При виде его улыбки Сефора невольно почувствовала себя виноватой. У него был усталый вид; под глазами залегли тени, проступили складки в углах рта.

– Я надеялся погулять с тобой, мой ангел, но меня задержали. – Ласковое обращение, которое ей раньше нравилось, теперь показалось глупым и фальшивым; девушке пришлось приложить все силы, чтобы не отдернуть руку, когда жених поднес ее к губам. – Правда, должен признать, что прогулка тебя освежила – она вернула румянец, и ты выглядишь еще красивее, чем обычно. Мне кажется, я не заслуживаю такой красоты.

Мария рассмеялась отнюдь не по-доброму, и Сефора обрадовалась, когда сестра извинилась и убежала наверх.

Ричард нахмурился, глядя ей вслед.

– К сожалению, Мария часто бывает злою; я рад, что у тебя совсем другой характер. Боюсь, ей нелегко будет найти мужа, который вынесет такую суровость!

Сефора вспомнила смешливость сестры и ее любовь к подтруниванию и отвернулась. «Суровость» и «злость» – последние слова, которые можно отнести к Марии.

Кроме того, на сердце у нее было тяжело. В груди словно ворочался огромный холодный камень. Достаточно одного взгляда Фрэнсиса Сент-Картмейла, чтобы она покраснела, почувствовала прилив сил и немного встревожилась. Каждая клеточка в ее теле остро реагировала на его близость. И вот сейчас Ричард поцеловал ей руку, а ей хотелось только одного: поскорее вырваться, побежать вслед за сестрой наверх и еще раз во всех подробностях вспомнить сегодняшнюю встречу с лордом Дугласом.

Но приготовления к свадьбе, которую перенесли на ноябрь, уже шли полным ходом. В конце следующего месяца ее ждет первая примерка платья.

Она попала в ловушку и задыхается... Неожиданно в голову пришла странная мысль: она может просто убежать, и тогда ей не придется ни с чем мириться. Ей почти двадцать три года; ее едва ли можно назвать молоденькой девушкой. Кроме того, она богата и имеет собственные средства; бабушка завещала ей процветающее имение на севере и оставила крупную сумму наличными. Мысль о том, чтобы просто исчезнуть, показалась соблазнительной, но Ричард снова заговорил, и ей пришлось заставить себя прислушаться.

– Отец попросил привезти тебя. Он на несколько дней приехал в Лондон, чтобы посетить врача. Если ты не против, можем поехать прямо сейчас, потому что вечером у меня важная встреча, на которой я непременно должен быть.

Едва ли она могла отказаться посетить человека, который специально просил ее приехать; поэтому, подав знак тетке, что они снова выйдут, она следом за Ричардом спустилась к ожидавшему их экипажу. Тетя Сюзен охотно согласилась их сопровождать, чему Сефора очень обрадовалась.

Через пятнадцать минут она сидела в светлой гостиной на первом этаже особняка Уинбери. Герцог выглядел немного хуже, чем во время их прошлой встречи; он был более рассеянным и беспокойным. Лицо его приобрело землистый оттенок, что встревожило Сефору. Она обрадовалась, что тетка и Ричард удалились в другой конец гостиной, ненадолго оставив их

наедине. Отец Ричарда всегда ей нравился; отчасти именно поэтому она согласилась выйти замуж за его сына.

Герцог взял ее за руку; пальцы у него были холодными.

– У вас грустный вид, дорогая, причем уже довольно давно. Все ли в порядке в вашем мире?

– Да, дядя Джеффри. – Она называла его так с самого раннего детства, ведь ее родители и родители Ричарда были близкими друзьями. – После обеда мы гуляли с Марией, а потом, вернувшись домой, застали на пороге Ричарда, который передал мне ваше пожелание.

– По-моему, он сейчас очень занят политикой и стремлением приносить пользу обществу. Пожалуй, слишком занят для того, чтобы гулять с вами на солнышке? Слишком занят, чтобы нюхать цветы и смотреть на небо? – Заметив ее удивление, герцог улыбнулся. – Когда тебя поражает недуг и ты внезапно понимаешь, что тебе осталось не так долго, как ты думал, появляется предрасположение к тому, чтобы оглянуться назад и задуматься.

– Задуматься?

– Да. И тут начинаешь понимать, что стоило жить более полной жизнью, принимать более смелые решения, чаще рисковать.

После такого длинного монолога голос у герцога ослабел, и он ненадолго замолчал, чтобы отдышаться.

– Когда-то мне казалось, что правильный способ существования заключается в труде на благо общества; я был таким же, как Ричард. Но теперь я жалею, что не побывал в Америке и не ходил по океанам. Ах, как бы мне хотелось стоять на носу парусника, ощущать на лице ветер дальних стран, слышать другие наречия, пробовать незнакомую еду!

Сефора крепче сжала руку дяди Джеффри. Их разговор как будто велся на двух уровнях; за каждым словом таилось что-то еще. Сефоре тоже не хотелось жалеть о том, что ее жизнь сложилась определенным образом, и она невольно задумалась о других дорогах и неожиданных поворотах.

Неужели отец Ричарда способен ощущать то же самое? Неужели он ее предупреждает? Дядя Джеффри сам просил ее о разговоре наедине; прежде такого не случалось.

– Вы хорошая девушка, Сефора, честная, порядочная. Любой будет гордиться, когда назовет такую, как вы, своей дочерью. Но... – Он наклонился вперед, и она тоже. – Убедитесь, что вы получаете от жизни то, чего хотите. Доброта – не повод забывать о страсти!

Герцог закашлялся. Камердинер, стоявший в противоположном конце комнаты, поспешил на помощь хозяину. Ричард тоже направился к ним, хотя и держался чуть поодаль. Ему как будто неприятно было видеть болезнь и ее последствия. Он не подошел к ним, а стал ждать, когда невеста встанет и подойдет к нему.

– Сефора, по-моему, нам пора идти. – Он демонстративно достал часы из нагрудного кармашка; занятой и важный человек.

– Да, разумеется.

Наклонившись к дяде Джеффри, она объяснила, что им нужно ехать. Ричард же стоял на пороге. Ему не терпелось поскорее уйти. Когда она подошла к своему будущему мужу, тот взял ее за руку и крепко сжал.

«Моя».

Он всячески демонстрировал свою власть над ней, и в Сефоре проснулись прежние робость и неуверенность. Она покорно позволила жениху себя увести.

* * *

В ту ночь Сефоре снилась вода. Вода заливала лицо. Она барахталась в холодной толще и во мраке, то погружаясь, то выныривая на поверхность...

Однако в своем сне она не паниковала. Во сне она умела дышать под водой, как рыба, и наслаждалась красотой подводного мира, размытыми цветами, смутными очертаниями, тишиной и возможностью убежать. Ее руки не закрывали рот, и Фрэнсис Сент-Картмейл не нырял сверху и не давал ей воздух, плотно прижавшись губами к ее губам.

Нет, во сне она просто была. Умирала, существовала, жила – все как-то соединилось. Она давно ощущала перемену заботы, которая скользила, как обжигающий утюг по голой коже; она меняла все, что было прежде, на то, что происходило сейчас. Она видела тут же и дядю Джеффри; он был рядом, тонул, улыбаясь, когда поднимал лицо к ветру под водой. Дальние страны, чужие берега...

Сон одновременно казался и бессмысленным, и полным смысла. Она получила возможность жить не только потому, что другой человек ее спас. Желание жить шло изнутри, из нее самой. В ее душе появилась надежда.

Проснувшись, она поняла, что плакала. Сефора встала с постели, подошла к окну и стала наблюдать за бледнеющей луной. Когда-то давным-давно она часто сидела у окна и смотрела на звезды и на небо; и эту привычку, как многие другие, она оставила, подчиняясь общепринятым правилам.

Когда-то она много писала: стихи, рассказы и пьесы. Позже, когда Ричард высмеял ее потуги к сочинительству, она забросила свое увлечение. Может быть, напрасно? Вспоминая строки, написанные от души, она ощутила горечь потери.

Когда она начала бояться жизни? Когда стала такой, какая она есть? Когда превратилась в покорную статую, которая позволяла Ричарду принимать решения за нее и соглашалась со всеми его желаниями и потребностями? Пока он маркиз, но его отец тяжело болен. Насколько ухудшится ее положение после того, как Ричард станет герцогом Уинбери?

Сефора вытерла слезы, которые текли по лицу. При мысли о том, что она будет герцогиней, ей хотелось только плакать.

Она казалась себе беззащитной оттого, что потеряла себя, и она не знала, как все изменить. Может, попробовать сказать Ричарду о своих чувствах? Но как это сделать? Сейчас ей трудно подобрать нужные слова; а Ричард так любит насмехаться над чужой неуверенностью!

Она боялась его еще больше, чем раньше. Боялась его властности, его черствости. Даже сегодня, с собственным отцом, он держался отстраненно. Ему не терпелось уйти. Когда дядю Джеффри охватывал очередной приступ кашля и ему не хватало воздуха, Ричард взирал на него с совершенно равнодушным видом.

Ее жизнь дала трещину. Она больше не верила ни в себя, ни в Ричарда; мысль о том, что она выйдет за него замуж, уже не наполняла ее радостным удивлением и ожиданием чего-то хорошего. Неужели она осознала все так ясно после того, как едва не утонула? Стремление к совершенству казалось и нереальным, и невозможным.

Она потеряла средний палец на левой руке. Только бы Господь послал ей знак!

* * *

За следующие несколько дней Фрэнсис прочел все найденные в архиве дяди документы, связанные с семьей Шерборн. Их оказалось много. Он велел принести их с чердака. В пыльных папках содержались и биография Клайва Шерборна, и биография его неверной жены. Однако о ребенке там почти не упоминалось, что немало удивило Фрэнсиса.

Сама Анна Шерборн изнывала от скуки. Прислонившись к лестнице, она наблюдала за тем, как слуги сносят вниз все новые и новые коробки с бумагами. Фрэнсис заметил, что волосы у нее подстрижены грубо и неумело. Пряди разной длины свисали вдоль лица.

– Это миссис Уилсон тебя постригла?

– Нет. – Девочка презрительно поджала губы. – С какой стати?

– Значит, ты постриглась сама?

Волосы его кузины были на добрых двенадцать дюймов короче, чем вчера. Она смотрела на него настороженно.

Она казалась непривлекательной, угрюмой и не уверенной в себе. Фрэнсис сел на ступеньку, чтобы их лица оказались на одном уровне, и посмотрел ей в лицо. Внезапно ему пришло в голову, что он больше узнает о жизни Клайва Шерборна, если расспросит девочку.

– Анна, Клайв был тебе хорошим отцом?

Девочка неуверенно кивнула. Фрэнсис, сам того не сознавая, затаил дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.